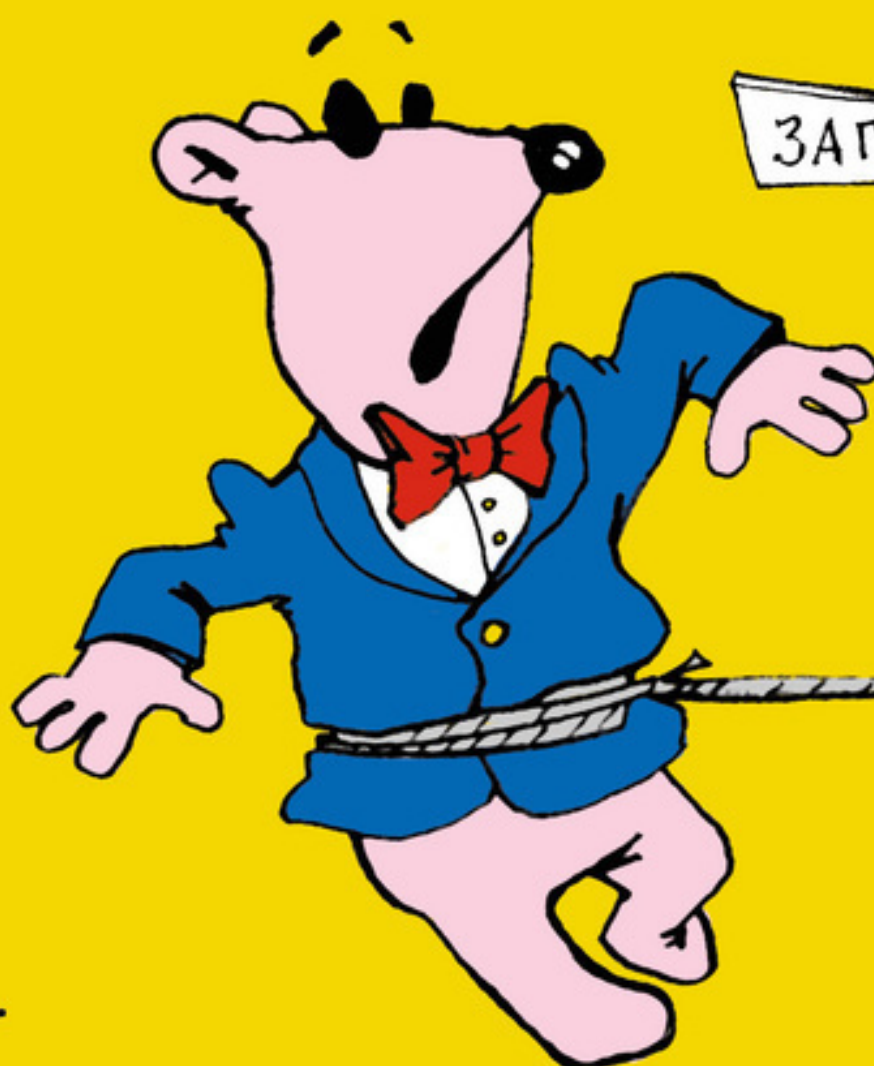

Маргарита
ЮЖИНА

Поймать
и Женить

Ирония любви

Маргарита Южина
Поймать и женить

«Маргарита Южина»

2012

Южина М. Э.

Поймать и женить / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2012 — (Ирония любви)

ISBN 978-5-699-55935-0

Марии кажется, что она успешная руководительница клуба знакомств. И не беда, что дела идут из рук вон плохо. У нее нет времени на выяснение причин неудач, ведь она уже знает, что нужно делать. Всего-то выдать замуж Евгению, от согласия которой зависит судьба клуба. Подходящий жених находится быстро. Но что делать, если он совсем не хочет связывать себя узами брака? Да и «невеста» не особо торопится под венец. Марии придется изрядно потрудиться, чтобы устроить чужую судьбу.

ISBN 978-5-699-55935-0

© Южина М. Э., 2012
© Маргарита Южина, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Маргарита Южина

Поймать и женить

Глава 1

Луч солнца задорно метнулся по сиреновой унылой стене и остановился на веселеньком кривоватом плакате «Эх, счастливики!». Плакат был сочно намалеван гуашью, кричал яркими красками, но даже он не мог скрасить хмурый, негостеприимный кабинет местного ДК.

Под плакатом бодро вышагивала женщина в клетчатом сарафане и блузке с огромным жабо. Ее грудь так высоко вздымалась от чувств, что жабо взлетало до подбородка и даже пачкалось о накрашенные губы. Женщина была руководительницей клуба знакомств, звали ее Мария Адамовна Коровина, и она пыталась соединить хоть кого-нибудь из участников в крепкую семейную ячейку. Задача была практически неразрешимой, поскольку здесь присутствовали почти одни женщины и лишь хиленький, напыщенный старичок с трясущимися руками разбавлял сей цветник. Да и цветник был, прямо скажем, не из молодых орхидей. Однако... Работа! Поэтому Мария Адамовна растянула пошире накрашенные губы и уверенно начала заученный текст:

– Дорогие мои счастливики! – Для эффекта она крепко прижала руки к груди, и получилось очень сердечно. – Дорогие мои! Вы пришли к нам в клуб знакомств, а значит, уже поймали госпожу удачу... за хвост.

Она оглядела всех «счастливиц», и ее лицо непроизвольно перекошилось.

Нет, ну как здесь работать? Из кого тут семьи-то организовывать? Ведь специально собрались те, на кого уже никакой надежды. Точно, надо пригласить на вечер товарищей из общества слабовидящих, может, тогда хоть что-нибудь...

Ну вот, самая молоденькая представительница прекрасного пола, Тонечка Абрикосова. Вчера сорок четыре года исполнилось. Худенькая, тощенькая, слеза прошибает! На что мужику клевать? Ни тебе выпуклостей, ни впуклостей, и взгляд такой уж затравленный... только и оживает, когда мужчину видит. М-да... А вот эта – Вера Игнатьевна! И чего ей не сиделось в своей деревне? Ведь всю жизнь там провела, детей женила, и нате вам, пожалуйста! Решила в корне все изменить – корову продала, кур на балконе в городской квартире расселила, и теперь коренная горожанка. Блин, да весь город вместе с ее петухом поднимается! Какой мужик такое вытерпит? И уж совсем убивает Анна Никитична. Это ж надо – бабушке скоро восемьдесят, а ей под венец потребовалось! И ведь что интересно – только для нее и есть в их группе подходящий господин, Витольд Васильевич, трясущийся женишок, но они друг о друге и слышать не хотят! Обижаются! Им, понимаешь ли, помоложе спутника подавай! Ой, как тяжело жить в наше время.

Мария Адамовна подавила вздох, снова тряхнула жабо и еще шире растянула губы в счастливой улыбке:

– Я рада сообщить, что именно на нас с вами легла почетная миссия создавать красивые семьи и повышать рождаемость!

Члены клуба зашевелились.

– Что, простите, она сказала? – наклонился к Вере Игнатьевне глуховатый на оба уха Витольд Васильевич. – Что она говорит?

– Да рожать собралась, – вздохнула Вера Игнатьевна. – Говорит, посчастливилось ей.

– Ага, посчастливилось, – мотнул головушкой старичок и снова повернулся к соседке. – А чего ж такое произошло? Никак в лотерею выиграла, да?

– Типа того... – не стала распространяться Вера Игнатьевна, достала из огромной кошелки вареное яйцо и стала аккуратно его чистить.

Сосед не отставал.

– А вы не подскажите, когда девочек приведут? – слащаво улыбался он.

– Так мы уже давно здесь, – вздохнула Вера Игнатьевна и отвела мечтательный взгляд от очищенного яйца. – Мальчиков вот только не ведут.

– Удивляюсь я этим мужукам, – покачала головой старушка Анна Никитична. – Ведь в пору уже помолиться, да и айда, на тот свет, а он еще девочек возжелал! Вот ить похоть-то мужчинская, а?

– А сама-то? – не больно церемонилась Вера Игнатьевна. – Поди постарше этого жениха будешь.

– Так я ж... без похоти! – возмутилась старушка. – Мне ить...

– Позвольте! – вытаращил белесые глазки Витольд Васильевич. – Почему же похоть? И потом... я заплатил! Я регулярно плачу взносы и настаиваю, чтобы мне нафталин не сували! Совали... Или как там?

– Я вижу, у вас уже складываются теплые, дружеские отношения, – лукаво подмигнула Мария Адамовна. – Витольд Васильевич, прошу заметить, у Анны Никитичны совершенно незамутненный разум, и... болезнь Альцгеймера ей не грозит. То есть в дальнейшем с ней не возникнет никаких хлопот...

Душевную речь Марии Адамовны прервал скрип дверей. Она обернулась в гневе – ведь только наметилась тоненькая ниточка к взаимоотношениям этих двух товарищей и...

– Ну что ж такое?! – крикнула Мария Адамовна. – Кого там еще черт принес?

– Как вы можете? – пискнула Тонечка Абрикосова. – А вдруг там мужчина?

Мария Адамовна крикнула.

В дверях торчала не мужская голова, а женская, коротко стриженная под мальчика.

– Я никакая вам не мужчина! – резко выдала голова. – Я вам директор ДК! Мария Адамовна, когда за аренду помещения платить будете? Каждый месяц задерживаете!

Мария Адамовна мгновенно переродилась из злобной фурии в кроткую послушницу.

– Второго числа, Евгения Петровна! – заморгала она накрашенными ресницами и подарила робкую улыбку. – Вот сразу, как только дед пенсию получит, так и отдадим! А вы вовсе на мужика и не похожи. Если только со спины... Да кто на вашу спину смотреть будет, правда же? А вы к нам в клуб не хотите? – Она кивнула на Витольда Васильевича. – Вы на этот материал не смотрите, у меня получше есть, специально для вас берегу.

Вера Игнатьевна, скинув яичную скорлупу на пол, вытаращила глаза:

– Не, вы видали? У нее, значит, есть получше, а мы, значит, за этого старого индюка деньги платим!

Витольд Васильевич пожелал быть в курсе всех событий, поэтому снова склонился к Вере Игнатьевне:

– Чего, простите, она сказала?

– Да ничего! – обиделась та. – Говорит, на генфонд вы не тянете! Мария Адамовна! Это что ж такое? Я, значит, деньги вношу-вношу...

– А из вас все пенсионный фонд тянет? – решил поддержать соседку Витольд Васильевич. – То-то я смотрю, у нас никак не хватает средств для молоденьких девушек! Вы уж им скажите!

Евгения Петровна ушла, и Мария Адамовна почувствовала себя свободнее.

– Дорогие мои! Я для вас приготовила подарок! Поверьте, вы не пожалеете!

Члены клуба снова оживились. Подарки означали всегда лишь одно – поход в ближайшее дешевенькое кафе, которое бессовестно величалось рестораном. С одной стороны, это

было хоть какое-то развлечение, а с другой... каждый раз этот поход выливался в кругленькую сумму, которую надо было сдавать дополнительно.

– Ита-а-ак... – закручивала интригу Мария Адамовна. – Хочу вас приятно удивить – очень скоро мы идем в ресторан! Ну! Обрадовались? Я ж говорила!

В комнате загудели.

– Да-а-а, сюрпри-и-из, – вовсю лучилась Мария Адамовна. – А поэтому вам нужно срочно сдать деньги.

– Так, а где ж их взять? – развела руками Анна Никитична. – Мы уже в прошлый раз...

– Вы, Анна Никитична, – мило улыбнулась ей Мария Адамовна, – человек привилегированный, вы можете не ходить, а то вы нам всех женихов... Да! И еще: срочно – это значит сегодня!

– Ой! – с непоправимой трагедией в глазах воскликнула Тонечка. – А я с собой денег не взяла! Я тоже теперь буду... привилегированной?

Мария Адамовна устало поправила прическу.

– Тонечка, зачем сразу истерить? Займите у кого-нибудь. Вон, у Веры Игнатьевны. Она как продала свой дом в деревне, так все деньги с собой и носит.

– Верочка Игнатьевна! Я вас умоляю! – сложила ручки пирожком Тонечка. – Займите мне пару десятков тысяч буквально до... Нового года, а то мне очень нужно купить новый диван!

В двери опять заглянули, но Мария Адамовна теперь уже была наготове. Она улыбнулась во все зубы и защебетала:

– Евгения Петровна! А вы все же к нам? А мы вас ждем...

Однако в комнату вошел высокий, худой молодой человек лет двадцати трех.

Увидев его, Мария Адамовна перепугалась:

– Андрюша! Сынок! А ты чего ж сюда прямо с этим... с чемоданом? В армию, что ли, поймали?

– Мам! – воскликнул дитя. – Да типун тебе... Прямо весь настрой сбила... Сама ж говорила, толкни косметику нашим теткам! Вот я и пришел!

Мария Адамовна ругнула себя за то, что предположила самое страшное, и широко раскинула руки:

– Дорогие мои девочки! А вот к нам и... косметолог! Рекомендую, рекомендую! Женщины, покупаем продукцию, вам надо выглядеть хорошо. Не надейтесь на природу, не плюйте на себя, дорогие мои! Тем более что в ресторане будет море мужчин! Просто море!

– Что она сказала? – снова приник ухом к соседке Витольд Васильевич.

– Да плевать не велит, – отмахнулась Вера Игнатьевна. – Продукцию, говорит, берите, все одно ее девать некуда.

– Позвольте, позвольте, – вдруг по-гусиному вытянул шейку единственный мужчина среди всех членов клуба. – А что ж за продукция такая?

– Да сядьте вы уже! – дернула соседка старичка, и тот, пошатнувшись, рухнул на стул.

В это время Андрей разложил баночки с кремами, лосьонами, бальзамами и прочей вазелиновой продукцией на столе у матери и сурово начал:

– Дорогие красавицы! Ну что я вам хочу сказать... Выглядите вы, прямо скажу, хреново!

– Андрей! – одернула мать.

– Да ну на фиг, мам! Говорю как есть! Дорогие женщины! Физиономии у вас прямо как после бедствия, честное слово! – уже разнервничался парень, но вовремя вспомнил, зачем пришел. – Но! Крем вам поможет!

– Ой! – подскочила Тонечка и в сильном волнении прижала ручки к пылающим щекам. – Вы знаете, а я давно хотела купить, но чтобы такой, знаете...

– Слышь, сынок, а может, мне тогда пенсию повысят? – вклинилась Анна Никитична. – Коль я бедствую, так, может, куда обратиться? Там чего полагается?

– Не перебивайте косметолога! – неожиданно взвизгнул Витольд Васильевич. – Молодой человек, так что там за кремы? У вас есть ароматизированный гель со вкусом клубники? А гель для подмышечных впадин?

– Витольд Васильевич! – не выдержала Мария Адамовна. – Чего вас разнесло? Тут женщины сидят, а он! Не знает, куда себе еще клубнику засунуть!

– Мам, да пусть берет! – махнул рукой Андрей. – Берите, мужчина. Про какую вы там впадину говорили? У меня вот есть... Мам, а это что за фигня? Тут все по-нерусски написано, фиг разберешься! Говорил же, самой надо было продавать!

Возле Андрея собрались члены клуба. Тонечка хотела попробовать прочесть, что же там написано, но Витольд Васильевич упрямо оттеснял ее своим тощим задом. Анна Никитична, узнав цены, в растерянности уселась обратно на стул, взяла яйцо, которое Вера Игнатьевна так заботливо чистила себе все заседание клуба, и отправила в рот. Вера Игнатьевна даже не нашлась что сказать. Да и что тут скажешь – такое потрясение.

В тот же час в кабинете ДК расхаживал мужчина в потертом костюме, с бабочкой на шее. Мужчину звали Иваном Михайловичем Коровиным, он был мужем Марии Адамовны, а также руководителем клуба собаководства. Именно поэтому он с особой любовью поглядывал на скучный плакат на стене, где кривовато было выведено: «Дружок». То есть название группы. Иван Михайлович нарисовал этот плакат собственной рукой и относился к нему очень трепетно, не понимая, почему это никто из членов клуба не задержал на нем своего пристального взгляда.

– Дорогие мои! – методично шагал он по кабинету, поглядывая на плакат. – Не забываем, что наша группа называется «Дружок». Кстати, обратите внимание, я уже отразил это графически, вот, на стеночке выделяется. Так, на чем мы остановились? Ага, значит, записываем: «Собака – друг человека».

Перед ним в кабинете, неловко пристроив тетрадки на коленях, пытались записывать лекцию человек десять. И лишь одна – пышнотелая Лобова – со скучающим видом пялилась в окно.

– Лобова! – не выдержал Иван Михайлович. – Почему вы не записываете?

– Да какие уж тут записи! – раздраженно откликнулась та. – У меня дома собака негуляная, а на улице такая погода!

– И все-таки, – постарался не заметить ее восклицания Коровин. – Господа, давайте вспомним Павлова, что он вытворял со своими друзьями! А мы...

Горячую речь оратора прервал чей-то громкий зевок. Да чего там, уже почти все члены клуба равнодушно глазели по сторонам и придумывали серьезный повод, чтобы смотаться. Коровин настроение публики уловил, и голос его стал интригующим:

– Господа мои! Собака – лицо хозяина! А давайте я угадаю, у кого из вас какая собака?

Он мог лишь угадать, потому что еще ни разу со дня открытия клуба «Дружок» хозяева со своими питомцами не собирались. Коровин предпочитал вести теоретические занятия. И тому была веская причина: он боялся собак. Членам клуба уже давно надоели эдакие поделки, но плата была внесена заранее, и забрать деньги у Ивана Михайловича было практически невозможно. К тому же наивные господа немного верили, что наступит день, и на просторы местного, близлежащего парка они выбегут всей гурьбой вместе со своими собаками. Но время шло, а гурьбой выбежать никак не получалось. Оттого-то сейчас так недобро смотрели присутствующие на лектора, а он улыбался как можно любезнее.

– У вас такая прекрасная маленькая собачка, я угадал? Ничего мне не говорите, я все знаю сам! – переходил он от одного к другому. – А у вас великолепный кобелек... Да-а, кобелек... А у вас... А у вас, Лобова, сука!

Дверь кабинета неожиданно распахнулась, и появился извечный конкурент Ивана Михайловича Борис Борисович Кулаков. Это был человек спортивного телосложения, серьезной наружности и весьма солидного роста. В общем, так себе... Но у него имелось одно преимущество – в отличие от Коровина он собак не боялся. И даже, говорят, любил! Поэтому каждый раз, когда Кулаков появлялся в кабинете, Коровина немного потряхивало.

– Так, кто на курсы дрессировки? – по-хозяйски оглядел он присутствующих. – Через час на острове Отдыха.

Иван Михайлович ловко подбежал к двери и попытался вытолкнуть Кулакова.

– Куда вы, пардон, лезете? – заверещал Иван Михайлович. – У нас только маленькие собачки! Это не ваш профиль! Товарищи! Это не к нам! Это... соседка... за луком...

Коровину даже удалось вытолкать Кулакова за порог, но все же силы были неравны. Вытолканный Кулаков резко распахнул дверь, и тщедушный Коровин вылетел в коридор.

– Приходите вместе с собаками, – деловито договорил Кулаков, будто никакого Ивана Михайловича и вовсе не было. – Приносите лакомство и длинные поводки.

Коровин уже насканивал на конкурента молодым воробышком:

– Да как вы смеете? У нас собрание кружка, и попрошу людей у меня не уводить! Настоятельно прошу! Требую!

И все же терпение слушателей было не беспредельным. Люди стали подниматься, сворачивать тетради, и многие подались к выходу.

– Товарищи! Не отвлекаемся! – цеплялся за соломинку Коровин. – Записываем: «Собака – лицо...»

– Да надоела уже эта писанина! – загалдели слушатели. – Делом пора заниматься!

– Точно! Пока я тут сижу, мой Дик две лужи наделал, – ворчал серьезный парень.

– А меня вообще собака не слушается! – пискнула тоненькая девушка. – Я хожу сюда, хожу, а он не слушается и не слушается! А я столько денег заплатила!

– Значит, я вас жду, – спокойно произнес Кулаков. – Значит, через час на острове. Первое занятие бесплатно.

Слушатели потянулись на выход. Иван Михайлович буквально видел, как деньги уплывают из его кошелька. Он рванулся к двери, растопырил руки и закрыл выход своим тщедушным тельцем:

– Граждане! Не поддавайтесь на провокацию! Мы тоже! На этом острове... занятия...

И тут вошла Лобова.

– А наше занятие с собаками будет? – ехидно поинтересовалась она.

– Да... Да хрен с ними! Приводите... – уже на все был согласен Коровин. – И помните, граждане! Деньги возврату не подлежат!

Только это и смогло остановить взбунтовавшуюся группу. Они снова стали усаживаться на места, но прочно уцепились за обещание Ивана Михайловича:

– Скажите, а завтра на остров что с собой брать?

– А намордник нужно надевать или так можно? Вообще-то он у меня спокойный...

– А какое лакомство надо?

– Нет, а что брать-то?

Коровин вытер испарину со лба.

– Какое лакомство? – Мы с вами ничего про лакомство не проходили! Вы же ничего не знаете, что вы там наберете? Лучше сдать деньги, а я сам все куплю. А то наберете ерунды, а собачкам это вредно!

Слушатели покорно полезли в пакеты, в сумки, на свет божий показались кошельки, и сердце Коровина немного успокоилось. Но упрямая Лобова все равно двигалась к двери. Мало того, она еще и кого-то с собой прихватила, то есть проявляла вредный норов.

– Лобова! – повысил тон Иван Михайлович. – Почему вы опять деньги не сдаете? Что за самоуправство, я не понимаю!

– Я со своим лакомством приду. Мой Степан очень сыр любит, а у меня дома сыр есть, зачем деньги сдавать?

– Да, деньги! – воскликнул руководитель клуба. – И... давайте не будем выделяться из собачьего коллектива!

– А у нас пока и нет коллектива, – заметила Лобова. – Извините, мне пора. Собаку выгуливать надо.

Она ушла спокойно, прикрыв двери, и даже не оглянулась. Коровин пробормотал:

– Вам, Лобова, не собаку... Вам домашнюю крысу надо держать... со своим сыром еще тут...

День был испорчен окончательно. Как ни старался Иван Михайлович забыть предательство своей группы, осадок остался. И еще он вдруг сообразил: с собаками встречаться придется. Это хорошо, что он вовремя подстраховался. Когда он подавал объявления в газеты о том, что набирается группа, то четко указал, что принимаются владельцы исключительно мелких пород. Ведь как чувствовал! И как теперь это пригодилось! Вот что значит развитая интуиция и умная голова!

Дома Коровин мечтал посидеть в тишине, но еще из прихожей услышал, как жена Машенька на кухне возбужденно беседует со свекровью:

– А она мне, главное, настырно так: «Когда аренду платить будете?» – представляешь? А сама прямо вся зеленая!

– От одиночества это, – вздохнула матушка Ивана Михайловича, баба Нюра. – Это ж, пардон, козе понятно! От одиночества.

– Мам, так надо было и ей косметику-то втюхать, – подал голос сынок Андрюшенька. – Если от одиночества-то...

– Ну, так я и говорю! – вытаращила очи Мария Адамовна. – Идите, говорю, к нам! Все равно без толку кровь пьете... А она уперлась, и хоть ты ей что! «Когда платить будете?», и все! Я уж ей семь раз сказала: когда дед получит получку, тогда и...

– Маша, – вошел в кухню Коровин. – А когда у нас у деда получка?

– Второго числа! – хором крикнули мать с сыном.

Баба Нюра, которая крутилась возле плиты, на минуту замерла, потом обернулась и строго спросила:

– У кого еще долги до дедовской получки?

– Мама, я и вообще... – растерялся Коровин. – Я только робко поинтересовался, когда получка. И все!

Мария Адамовна выдала мужа с потрохами:

– Мам, у него долгов больше. У меня только за аренду и... платье себе брала, больше никому не должна.

Баба Нюра покачала головой и выставила перед каждым тарелку с сосисками и спагетти. Радости по поводу этого блюда ни у кого не возникло.

– А чего, баб, сегодня опять червяков готовили? – весело спросил Андрей, растягивая спагеттину.

Мария Адамовна сморщилась:

– Мам, ты меня прости, но... Ты ведешь свой кружок «Кухня для графских желудков» уже полгода, вы превратили нашу кухню в общепитовский цех...

– Мы даже называем тебя Элеонорой Юрьевной, хотя ты самая настоящая баба Нюра, – поддел Андрей.

– И каждый раз, – продолжила Мария Адамовна, – мы получаем на ужин «червячков»? Баба Нюра резко бросила крышку от кастрюли и уперла руки в бока.

– Да! Юрьевна! Зато мои девочки думают, будто я опальная графиня! – Она так разволновалась, что даже отобрала у невестки тарелку. – И ничего страшного! Просто мои девочки сегодня готовили «Охотничьи колбаски со сморчками в сливочном соусе»! Но охотничьих колбасок ни у кого не оказалось. А сморчкам еще не сезон!

– Нет, – усмехнулся Андрей. – Сморчки как раз только и остались.

Этого баба Нюра уже не смогла вынести. Она с грохотом поставила тарелку, сорвала с себя кружевной передничек и вынеслась из кухни. Правда, тут же влетела обратно:

– Между прочим, мои будущие графини приходят ко мне со своим материалом! А вечером мы всей семьей вкушаем плоды их обучения! И если кому-то не нравятся наши успехи... Тогда сдавайте деньги на продукты!

Это был удар ниже пояса, и Мария Адамовна пошла на попятную:

– Мам, ну что ты раскипятилась? Подумаешь, сосиски! Очень вкусно! Вы их как-то особенно готовите, правда же, мальчики?

Мальчики заработали вилками еще усерднее.

– Да, мам, – пробурчал Иван Михайлович. – Сосиски изумительно удались. И вообще... Ты, мам, самая прекрасная опальная графиня! А кстати, сколько живут графини?

– Да, – качнул головой Андрей. – И где у нас дед?

Баба Нюра была довольна. Ее оценили по достоинству. Она приладила обратно передничек и степенно уселась во главе стола.

– Дед сегодня на дежурстве, – произнесла она. – А на той неделе мы его отправляем на рыбалку. Потому что мы с девочками будем готовить «Щуку, фаршированную гусиной печенью и спаржей».

Мария Адамовна поперхнулась сосиской, Андрей фыркнул, а Иван Михайлович воскликнул:

– Мам, ну где же тебе отец щуку-то поймает? У нас в озере одни караси!

– Какие графья, такие и щуки, – отмахнулась опальная графиня. – Тут еще червя... тьфу ты! Тут, говорю, еще спагетти остались, никому добавки не надо?

В семье Коровиных давно было принято, что добавку нужно просить обязательно, иначе баба Нюра обижалась и позже не давала смотреть телевизор, ссылаясь на боли в сердце. Поэтому сейчас Мария Адамовна с тоской посмотрела на целую кастрюлю слипшихся макарон и горько вздохнула. Андрей еще медленнее стал дожевывать сосиску, и только Иван Михайлович выкрутился – у него зазвонил телефон.

– Да! – обрадованно выскочил он из-за стола, схватив трубку. – Да... слушаю... Ничего страшного, возьмите его за холку, приподнимите и... встряхните как следует! Не капризничайте, делайте, что вам говорят.

– Завтра платить за телефон, – напомнила баба Нюра, выкидывая спагетти из тарелки сына. – Кто пойдет?

Мария Адамовна и Андрей уставились друг на друга в немом ожидании. Мать не выдержала первой:

– Хватит жевать, когда с тобой бабушка разговаривает! Ты сколько сегодня косметики продал?

– Да нисколько, – буркнул Андрей. – Все только спрашивают. А покупать не хотят. И вообще! Не буду я ее продавать! Хожу как идиот! Сама купила, сама и торгуй. Ты же женщина!

– Да? – прищурилась Мария Адамовна. – А если мамочке некогда? А ты все равно ни на какую работу устроиться не можешь! А уже мог бы! Двадцать пять лет стукнуло...

– Да кто ж его возьмет? – удивилась баба Нюра. – Он же от армии прячется!

– Мама!

– Баба Нюра!

Мария Адамовна и Андрей поразились бабушкиной нетактичности. Да, Андрюшу не брали на работу именно из-за армии. А потому что как только попадалась приличная работа, так сведения о «бегунке» сразу подавались в военкомат. А это было совсем не то, чего так желали господа Коровины. И это уже давно известно, но зачем опять нервы трепать?

В кухню вошел возбужденный Коровин и снова уселся за стол. Он не доел и теперь искал тарелку, но ту уже заботливо убрали и даже помыли.

– Вот без меня прямо никуда, – хихикнул Иван Михайлович. – По каждому пустяку, по каждому пустяку...

– Ванечка, – восхищенно смотрела на мужа Мария Адамовна. – И как ты со всеми этими псами управляешься? Ты у меня такой... такой бесстрашный! А если тебя укусят?

– Не бойся за меня, Машенька, – скромно потупился Коровин. – Ежедневный подвиг – моя работа.

– Черт-те что... – удивленно покачал головой Андрюша. – Отец преподает дрессуру, а сам сроду собак живьем не видел! Бабушка и вообще какая-то липовая графиня. Мама...

– Завтра в военкомат! – раздался стройный хор из трех голосов.

Все же им удалось не поссориться. Вечером, уютно устроившись перед экраном телевизора, баба Нюра что-то вязала, сам Коровин пялился на приятную во всех отношениях молоденькую героиню сериала, а Мария Адамовна ломала голову, как бы так сэкономить на ресторане, чтобы выкроить себе денег на новые сапоги. Еще бы мужичков где-нибудь взять... В мужское общежитие наведаться, что ли? Так у них там никогда денег нет, не пойдут... А может, пообещать мужчинам невесту с квартирой, тогда пойдут? Надо сходить... Да, и где взять денег на эту аренду? Что, если Евгения не станет ждать дедовской полочки?

Ночью Мария Адамовна никак не могла уснуть. Она и подушку взбивала, и вертелась с боку на бок, зато рядом довольно сопел ее муж. Мария Адамовна толкнула его в бок:

– Вань! Ва-а-а-нь! Спишь? Я вот чего думаю... Да Ваня же!

Иван Михайлович повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

– Я ведь думаю, что завтра эта Евгения снова притащится. А это меня роняет в глазах членов клуба! Чего делать-то, Вань? Денег у нас нет.

Иван Михайлович что-то пробормотал во сне и решил не просыпаться.

– Правильно, – кивнула Мария Адамовна. – Я тоже так думаю. Аренда – это только повод! Ясно же, она хочет попроситься к нам в клуб, а прямо сказать стесняется. А я ей еще и мужика нормального пообещала... Вань, а у тебя знакомого мужика нет?

– Тебе сейчас? – разлепил веки Коровин.

– А сколько времени? – вдруг спросила Мария Адамовна, а потом с сожалением вздохнула: – Нет, Ваня, сейчас у меня рабочий день уже закончился. Надо завтра.

– Чего? Опять эта грозная Евгения? – тяжело вздохнул Иван Михайлович, пытаясь заснуть. – А меня... меня Кулаков со свету сживает. Поедом ест, житья не дает. Гад. Вот сегодня опять...

Мария Адамовна оживилась:

– Вань, а Кулаков женат?

– Да кто ж его вытерпит? Сегодня он мне, главное, говорит...

Она приподнялась на локте:

– Ваня! Я знаю, что делать! Их нужно женить!

– Да. А кого?

– Евгению и этого Кулакова! – Мария Адамовна быстро села на кровати и заблестела глазами от такой чудесной идеи. – Обязательно надо их женить! Неужели ты не понимаешь?

– Понимаю... Я только не понимаю, кому это нужно?

– Ты издеваешься надо мной? Я ж тебе русским языком говорю, если мы их поженим, то и Евгения, и Кулаков будут счастливы и благодарны нам по гроб жизни. А благодарность Евгению – это... Это, милый мой, и отсрочка платежей, и выгодная аренда, и новые деньги, и...

– Машенька... – взмолился супруг, но слушать его она не собиралась.

– Не спорь! А от тебя отстанет Кулаков! Ты ж понимаешь, если он женится на Евгении, у него больше сил ни на кого не останется! Она его сама поедом съест!

– Да, Маша, я понял, – послушно кивнул Иван Михайлович и добавил: – Займись этим. – Он повернулся к стене и сочно засопел.

Мария Адамовна еще и половины не рассказала того, как они станут прекрасно жить, если им удастся соединить этих двух людей, но муж занимался более интересным делом: он спал.

На следующий день Мария Адамовна снова стояла перед своими «счастливчиками» и сияла новой идеей. Женить Евгению и Кулакова! Как она славно придумала! Вот ведь где наступит сытая жизнь!

А пока она учила своих женщин садиться в автомобиль:

– Дорогие мои красавицы! Сейчас у нас практическое занятие. Сегодня мы учимся правильно садиться в авто и выходить из него. Так, поставьте свои стулья на середину комнаты...

Женщинам подобные занятия нравились. Порой они такое узнавали! К примеру, как можно ненавязчиво блеснуть естественной красотой, лишь слегка расстегнув пуговочку на блузке. Вроде та сама расстегнулась. Конечно, Анне Никитичне, к примеру, впору уже закутываться до подбородка, а не распахивать кофты, но и она училась очень добросовестно.

Сейчас все смотрели, как надо закидывать ноги при посадке в машину. У Марии Адамовны у самой не все получалось складно, однако от своих членов клуба она требовала самых отточенных движений.

– Девочки! Обращаю ваше внимание – главное, чтобы коленочки всегда были вместе! Сначала сажаем попу. Вот так... а потом закидываем ножки. Попа – ножки, коленочки вместе. Запомнили? Пробуем!

У женщин получалось далеко не все. Да, прямо сказать, ничего у них не получалось. Вера Игнатьевна так оттопыривала зад, будто мечтала кого-то напугать своим мощным тылом. Тонечка подпрыгивала. От радости, что ли? Неужели женщину ни разу в машине не возили? Мария Адамовна смотрела на это безобразие с плохо скрываемым раздражением.

– Вера Игнатьевна, не оттопыривайте зад! Ну что ж такое? – не могла уже молчать Мария Адамовна. – Такое ощущение, будто вы от самого дома идете с выпученным задом! Легче! Тонечка! Куда вы прыгаете? Вы же можете рядом с машиной примоститься!

Но плачевнее всех дела обстояли у Анны Никитичны. У той ноги взлетали выше головы.

– Анна Никитична! Не надо так яростно! Коленочки вместе!

– Мария Адамовна, она убьется! – пискнула Тонечка Абрикосова. – У нее запросто может случиться перелом ноги!

– Да, Анна Никитична, – спохватилась Мария Адамовна. – Ножки у стула не переломайте!

В комнату влетел Витольд Васильевич и уставился на прыгающих дам.

– Я, простите, не опоздал?

– О, завялся, – пробурчала Вера Игнатьевна, поправляя юбку. – Зачем ему-то в машину усаживаться?

– Что она сказала? – обернулся потенциальный жених к Тонечке Абрикосовой.

Ответить та не успела – в кабинет вошла Евгения Петровна.

– Мария Адамовна, я за деньгами, – решительно заявила она, и вид ее не предвещал ничего хорошего.

Денежные разборки не могли красить «успешную леди» в глазах ее клубовцев, поэтому Мария Адамовна стала быстренько вытаскивать директора в коридор.

– Давайте выйдем, Евгения Петровна, – зашипела она и стала подозрительно моргать. – Я все понимаю, Евгения Петровна! Все! Мы все решим! Я вам обещаю!

– У вас что-то с глазами, – растерянно произнесла та. – Косоглазие, что ли?

– Не обращайтесь внимания, – отмахнулась Мария Адамовна.

– Простите великодушно, – вылезла в двери голова Витольда Васильевича. – Позвольте поинтересоваться, может, мне прийти попозже? Хотелось бы, когда девочки...

– Приходите в следующем месяце, – дежурно растянула губы в улыбке Мария Адамовна. – Как раз будут поставки девочек...

Глуховатый Витольд Васильевич эту радостную новость услышал с первого раза, выскочил из кабинета и пошел, подскакивая, по холлу, мурлыча себе под нос радостную песенку.

– Вот не может человек жить без нашего клуба! – закатила глазки Мария Адамовна. – Вот ведь каждый...

– Мария Адамовна, – строго прервала ее Евгения Петровна. – Вы не оплатили аренду за прошлый месяц, и я боюсь, что ваш клуб...

– Я приглашаю вас в гости к нам в эту субботу! – выпалила та и снова как-то странно посмотрела на директора.

– То есть... – опешила от такой наглости Евгения Петровна. – За деньгами... к вам домой?

– Все-все там! – защебетала Мария Адамовна. – Вас там будет ждать сказочный сюрприз!

– Неужели сразу за два месяца отдадите?

– Я вас жду, – ничего не стала объяснять руководительница «счастливчиков» и игриво убежала в кабинет, захлопнув двери перед самым носом директора.

– Ну... с ума сойти... – тарасилась на закрытую дверь Евгения Петровна, не зная, как поступить. Может, действительно сходить? Сюрпризы какие-то...

Глава 2

Вечер выдался теплый, ласковый, а на острове, который находился в самом центре раскаленного города, и вовсе была благодать. Полуденное солнце не так слепило, веяло приятной прохладой, голые кроны деревьев плохо приглушали городской шум, но кое-как закрывали шпиль многоэтажек, и создавалось полное ощущение, будто ты находишься в лесу.

На старом, коряжистом дереве в центре большой поляны в нелепой позе торчал Иван Михайлович и молил только об одном – чтобы ни одна собака не допрыгнула до его ботинка. А собаки были здесь же – вот они, прямо под деревом. И ведь как радуются, паразиты! Так и скачут, так и норовят за подошву ухватить! И что самое противное – ни одной маленькой собачки! Все как на подбор крупные, породистые! Откуда их только набрали? Хорошо, что не все собаки собрались под деревом, несколько особо свободолюбивых псов удрали к группе Кулакова и теперь заливались лаем. Конечно же, Кулаков тоже находился на острове. Да если б он вчера не заявил «дружковцам», что он здесь будет, фиг бы Ивана Михайловича кто здесь увидел! А теперь сиди вот... А сидеть, между прочим, было с каждой минутой все труднее. Попробуй-ка удержись, когда у тебя в одной руке портфель, другой ты пытаешься удержать телефон возле уха, да еще надо чем-то цепляться за спасительное дерево!

– Маша! – кричал в трубку Иван Михайлович, отпрыкиваясь от прыгающих собак. – Машенька, нет, я пока не пригласил Кулакова к нам в гости! Почему? Потому что... Этот Кулаков... я сейчас про себя сматерился даже... Маша, он устроил мне диверсию! Кыш, гады! Маша, это я не тебе... Говорю, я подавал объявление, что набираю собачек маленьких пород, а он... ну да, это ты подавала объявление... так я говорю, он... Да... но... Это ты написала, чтобы приводили любых?! Чтобы у меня было больше клиентов? Потому что не нужно сужать мои горизонты? Машенька, когда Андрейка спросит, где папа, скажи ему, дорогая, что папу загрызла работа!

Его портфель все же выпал из рук, и резвые собачки, ухватив новую игрушку, кинулись носиться с ним по поляне.

– Граждане! Отберите у собак сумку! – пытался докричаться до собаководов несчастный руководитель. – Я буду подавать в суд!

Хозяева старались поймать собачек, но это оказалось непросто.

– Ой, а мой не слушается! – кричала тоненькая девушка в очках, бегая за огромным ньюфаундлендом.

– Да фиг ты их сейчас поймаешь! – не мог дозваться своего питомца высокий парень.

– Ой, они же перегрызутся!

– Настоятельно рекомендую псов успокоить! Сумку мою отобрать и... И дайте им игрушку, в конце концов! Лакомство какое-нибудь!

– Так вы же сами лакомство купить хотели, – напомнила пышненькая тетушка. – Мы деньги сдавали.

– Господи! Ну ничего без меня сделать не могут, – ворчал Иван Михайлович, роясь в карманах.

Тоже еще, с этим лакомством... Да, он собрал деньги. Ну так ведь они бы посмотрели, в чем он ходит! Старые ботинки вышли из моды... еще в прошлом веке! Да они и тогда-то не слишком модными были. Машенька в секонд-хенде покупала, а уж теперь-то... Ну и конечно, Ивану Михайловичу пришлось изловчиться и купить кроссовки! Да, вот он сейчас в них и болтается на этой коряге, прости господи! Нет, он и про собачек вспомнил. Но поскольку у него отчего-то осталось мало денег, то Коровин не стал изгаляться, а попросту купил пачку дешевой печенья. Ну так ведь Андрюшенька, сынок, еще утром все печенье слопал. Пришлось потихоньку у маменьки набрать сухариков, которые она делала из остатков хлеба. Получился

своеобразный и полезный мини-корм для мелких собачек. Правда, в особенной полезности Коровин не слишком разбирался, да и сухарики иногда попадались целыми ломтями, ну так их ведь можно раскрошить!

– Вы же обещали купить, – нудила с поляны какая-то особенно настойчивая дамочка.

– Не беспокойтесь, – ворчливо проговорил Коровин. – Я обо всем позаботился. Ловите!

Он кинул пакетик с сухариками в руки дамочки, однако ловкие псы перехватили его на лету. Нет, все же не зря он просил приводить только маленьких собачек! Теперь эти псыны весело гоняли по поляне, и отобрать у них лакомство было невозможно. Получалось, что ни сумки, ни свободы Коровину сегодня не видать. Зато к коряге, на которой он расположился, подбежали остальные собаководы.

– И все? А нам? – отчего-то возмущались они.

– А на себя вы деньги не сдавали! – заявил Коровин. – Я только на собак купил! Лобова! Давай свое лакомство! Мое уже слопали!

Лобова покачала головой и полезла в свою сумку, подвешенную к поясу. Возле нее тут же собралась кучка собаководов. И вовремя – своим дальнорким оком Иван Михайлович заметил, как к его коряге приближается разгневанный Кулаков.

– Иван Михайлович! Уймите своих собак! Они нам заниматься не дают! Распустили их, а они... – Кулаков обратил внимание, что Иван Михайлович прочно прикипел к коряге и покидать насиженное место не собирается. – Что с вами?

– Это... мы обрабатываем у собачек реакцию на кошек, – ловко вывернулся Иван Михайлович. – Учимся, так сказать... Мяу, мои собачки! Мяу! Мяу-у-у-у!

– Да боится он, – сообщила Лобова. – Вон куда забрался. Всей группой пытались снять, визжит.

– Кулаков! – не выдержал руководитель «Дружка». – Вы меня просили группу на остров привести, я привел! Забирайте!

К такому повороту событий Кулаков не был готов. Он замялся, потом оглядел собак, бесчинствующих на лужайке, тоскливо посмотрел на свою группу и уверенно распорядился:

– Хозяева! Возьмите собачек на поводок!

– Ага! Где их сейчас возьмешь!

– Ха! Теперь только когда они сами нагуляются.

– А мой вообще ко мне в последнее время не подходит, ему с собаками интереснее.

– Да мы бы уж давно их взяли, только догнать надо!

– Не нужно догонять! – всю команду командовал Кулаков. – Не бегите за собакой! Женщина! Прекратите гонять собаку! Окликните и начинайте убежать! Так... А теперь присядьте, пес сам к вам подойдет! А теперь похвалите!

С грехом пополам собак кое-как удалось уговорить, а потом еще полчаса ушло на то, чтобы самих собаководов выстроить в шеренгу.

– Сегодня занятия проводить не будем, – расхаживал перед своей новой группой Кулаков. – У меня сейчас занятия в другой группе, а вот завтра я вас жду.

Несколько минут Кулаков отвечал на вопросы растерянных собаководов, а когда поляна опустела, он повернулся к Ивану Михайловичу:

– Все, слезайте. Ушли ваши «дружки».

Теперь можно было спускаться. Тем более что руки и ноги у Коровина затекли. Да и сколько можно тут торчать, будто он грач какой! Но... было еще одно важное дело, которое необходимо было выполнить, иначе... Ой, даже трудно представить, что произойдет, если Коровин ослушается. Поэтому он игриво прищурился и кокетливо, точно барышня на первом свидании, произнес:

– Я, конечно, слезу, но при одном условии. В эту субботу вы обязательно должны прийти к нам в гости! Мы с Машенькой вас будем очень ждать!

Кулаков махнул рукой:

– Простите, не могу. Слезайте.

– Тогда уж, простите, не слезу! – обиженно отвернулся Коровин к коряге. – Вот так и помру тут.

– Да вы издеваетесь, что ли? – вытаращился конкурент. – Ну и сидите! Подумаешь, цаца какая!

Он не стал уговаривать взрослого мужика. В самом деле, сегодня и так столько времени потрачено впустую! Кулаков быстро направился к своей группе, но с коряги вдруг раздался оглушительный вопль.

– А-а-а! Умира-а-а-ю! – истошно голосил Коровин. – Помогите-е-е!

– Слезайте! – снова дернулся к нему Кулаков.

– Ни! За! Что! – гордо дернул худенькой шейкой возмутитель спокойствия.

Кулаков уже не стал разбираться. Да в самом деле! Не ребенок же этот Коровин! Будет тут истерики закатывать! С какого перепугу он к нему в гости попрется? Можно подумать, в субботу ему нечем заняться! Он тут целыми днями с чужими собаками, а у самого собака весь день взаперти сидит! Да и не только собака...

Кулаков направился к своей группе, но неожиданно позади него раздался страшный треск, грохот и звук падающего мешка. Он испуганно оглянулся. Под корягой на поляне с закрытыми глазами лежал Коровин, а рядом с ним валялся здоровенный сук, на котором Иван Михайлович ранее восседал.

– Да твою-то маму! – крикнул Кулаков и кинулся к упавшему. – Ребята! Тут человек!

Собаководы из его группы прибежали, обступили плотным кольцом, кто-то попытался сделать искусственное дыхание.

– В субботу к нам придете? – умирающим голосом прошептал Коровин.

– Приду, – вздохнул Кулаков. – Вставайте. Ничего себе не отбили?

– А адрес? – не поднимался страдалец. – Вы не спросили адреса. Учтите: не придете, я буду каждый раз на вашем занятии падать с этого дерева. И убьюсь когда-нибудь.

– Что вы такое говорите? – испугались женщины-собаководы. – Придет Борис Борисович!

– Да не вопрос! – поддержали мужчины. – Вы нам только адрес скажите, мы к вам все завалимся!

– Все – это лишнее! Я боюсь... большого скопления людей, – быстро соврал Коровин. – А вот Борис Борисович пусть придет! Без него мне... это... жизнь не мила!

Кулаков медленно покрывался красными пятнами.

– А чего это вы к нему дышите неровно? – вдруг игриво спросила одна женщина. – Вы... из этих?

– Блин, вот влип... – пробормотал Кулаков.

– Нет! Я не из этих! – молодым петушком вякнул Коровин. – Я просто... просто у него хочу занятия брать! По собаководству! Потому что у него получается группу вести, а у меня...

– А, ну это да-а! – дружно загалдели собаководы. – Точно. Из вас руководитель никакой. Это вам надо к Борису Борисычу. Борис Борисыч, ну чего уж вы! Надо человеку помочь! А то он теперь каждый раз будет, как тетерев, на дереве торчать.

– Диктуйте свой адрес! – потерял терпение Кулаков. – Ну никакой работы! День вот просто так взяли и вычеркнули!

– Точно, – ловко поднялся Иван Михайлович. – Черканите где-нибудь адресок... Давайте я вам его в вашей тетрадке запишу.

– Да вы что?! Какие тетрадки? У нас практика, а не писанина! – возмутился Кулаков.

– Ну тогда... я вам вот здесь, прямо на руке...

Кулаков наивно протянул руку, чтобы этот надоевший товарищ написал ему свой адрес, но противный Коровин ловко схватил рукав рубашки и написал прямо на манжете.

- Вы с ума сошли? – вытаращился на него Кулаков.
- Ничего, – махнул рукой Коровин. – Зато не сотрется.
- Вот уж спасибо, – пробормотал Кулаков, но в дискуссию вступать не стал.

В субботу все семейство Коровиных готовилось к приходу гостей. Гости были важные, нужные, просто необходимые, а потому готовиться начали с четверга. Покупали продукты, варили холодец, натирали до блеска мебель и посуду, но основная работа кипела в субботу утром.

Мария Адамовна вместе с бабой Нюрой носились по дому точно ошпаренные. Иван Михайлович тоже помогал. К примеру, он раскладывал салфетки. Да не просто раскладывал, а подходил к этому делу очень ответственно. Сначала просто положил салфеточку каждому на тарелку. Но унылые треугольнички не порадовали его творческую натуру. Тогда он смастерил из салфеточки самолетик. Это тоже был не верх совершенства. И вот только когда из салфеток были сделаны кораблики, отец семейства с удовольствием прищелкнул языком. Правда, кораблики выглядели мятыми и несвежими, но лишь от того, что Иван Михайлович забыл, как они делаются.

- Мама! Где черный хлеб? – волновалась Мария Адамовна. – Несите черный хлеб!

Не ко времени и Андрею приспичило куда-то собираться! Он тоже метался по комнате и нарушал порядок.

– Мама! Я сегодня на собеседование иду в модельное агентство, ты не видела мою светлую вязаную кофту?

– Андрюша! Ну какая кофта? – отмахнулась она и вдруг сообразила: сын устраивается на работу. – Вот и правильно, сынок. В модельное, да? И правильно, тебя всегда тянуло к моделированию. То машинки клеивал, то самолетики...

- Мама! Какие машинки? Где моя кофта?

В комнату торопливо вошла баба Нюра и виновато уставилась на невестку.

– Машенька, – стыдливо промолвила она. – А я ведь этот... черный-то хлебушек... скусала. Нету хлебушка-то, чего класть-то?

– Мама! – воскликнула Мария Адамовна. – Там этого хлебушка две булки было, ты все умяла?

- Да как-то и не хотела... сам проскочил...

- Мама! Ну где моя кофта? – не успокаивался Андрей. – Светлая такая? Вязаная?

– Ой, господи, – нервно отмахнулась Мария Адамовна. – Вязаная? Так ее бабушка распустила, спроси у нее.

– Баб! Распустила, что ли? – с отчаянием спросил внук. Его смелые планы сейчас рушились из-за какой-то кофты!

Хотя... почему из-за какой-то? Он на нее всю материну зарплату угрохал! И если баба Нюра распустила...

- Да разве ж ее распустишь? – горько махнула рукой баба Нюра. – Дед в ней на дачу уехал.

– Андрюша! – махнула мать полотенцем. – Не мешайся! Надень вон папин костюм, он очень прилично выглядит. Будешь торжественным и...

– Да он приличным не был уже лет двадцать пять! – возразил сын. – Эх... опять придется у Юрки тряпки просить. – И он выбежал из комнаты.

Теперь уже можно было спокойно накрывать на стол. Правда, спокойно не получалось – поджимало время.

– Мама! – обернулась к свекрови Мария Адамовна. – Сходите за хлебом. Только донесите его до стола!

- Машенька, – проговорила свекровь. – Я вот по поводу курицы волнуюсь...

- Мама! Не вздумайте подходить к плите! Вы совершенно не умеете готовить!

– Машенька, посмотри! – Иван Михайлович соорудил из салфетки пистолетик и не мог не поделиться радостью. – Не лишено оригинальности, правда?

– Боже мой! – взглянув на часы, ухватилась за щеки Мария Адамовна. – Они сейчас подъедут, а я совсем не готова!

– Мам, ну как я? – возник в дверях Андрей в обычном свитере и джинсах. – У Юрки взял.

– А я думала, это твое... – пробормотала она и кинулась в свою комнату, но вдруг остановилась. – Значит, так! Ваня, быстро переодеваться, мама, не суйся к плите, Андрюша... А Андрюшка уже убежал? Опять ведь ключи забудет...

Кулаков только вчера купил небольшую иномарочку, теперь сидел за рулем, и внутри у него должны были петь соловьи. Но те упрямо молчали. Нет, машинка, конечно, замечательная, однако... Слишком поздно она поселилась в его гараже...

Бывшая жена Кулакова всегда и везде преуспевала, а его считала неудачником. Пока дочка была маленькая, это не слишком заметно было – каждый занимался своим делом, жена была занята ребенком... Они и ссориться-то не успевали. И считалось, что живут хорошо. А может, и на самом деле хорошо жили. Молодые-то и вообще друг без друга дышать не могли. Как ниточка с иголочкой. И в походы вместе ходили, и по театрам бегали, и даже просто по парку гуляли... И ведь не скучно было! Да и потом тоже – дочка родилась, они и малышку с собой везде брали. К друзьям ходили, сами к себе гостей приглашали. Даже на танцы бегали. Правда, тогда Борис работал на заводе. В самом горячем цеху – тяжело, вредно, зато деньги приносил приличные.

А вскоре завод купили богатые товарищи, условия стали невыносимые, а платить стали мало. Люди увольнялись, ушел и Борис. Они с женой решили, что Борис не будет гробить здоровье, и так уже отдал заводу самые лучшие годы. Думали, что он займется чем-нибудь своим. Но... заняться не получилось. Ну не было в Кулакове коммерческой жилки! А, как оказалось, кругом было столько ловких, вертких, сообразительных товарищей, у которых была не только жилка, а прямо жила какая-то... А он не смог. Потом еще раз пытался...

Дочка уже выросла, выпорхнула из родительского дома и устроилась очень неплохо. Да и у жены дела резко пошли в гору. А вот Кулаков... Все чаще ловил он на себе взгляды жены... эдакие... ироничные, все реже они стали гулять по паркам, а в гости почти не ходили. У супруги не было на это времени. Кулаков томился дома, вел хозяйство. И понимать друг друга стали хуже... Вот тогда-то Борис и взял себе собаку, Одера. Он с молодости собак любил. И всегда у него в доме кто-нибудь жил: то овчарка, то дворняжка какая-нибудь. И в армии он кинологом служил. У него был самый воспитанный пес. Думал, когда свою семью заведет, его дети обязательно станут расти вместе с пушистыми друзьями. А у дочки оказалась аллергия, поэтому про свою любовь к животным пришлось забыть. Но дочь давно жила отдельно, и теперь Борис мог позволить... Он позволил – взял хорошенького, славного щенка овчарки, ходил с ним на курсы дрессировки, сам поступил на курсы кинологов. И вдруг оказалось, что жена его совсем не понимает. Она отнеслась к его затее с сомнением. Вроде бы сама тоже собак любила, а тут...

– Ты! Здоровый мужик! Будешь с собачками бегать, как пенсионер? – кричала жена. – Да ты на себя посмотри! Тряпкой стал! Ты уже похоронил себя! Махнул рукой! Я думала, ты сильный, а ты...

Да чего там вспоминать... Борис забрал Одера и ушел в квартиру матери. Мать умерла года два назад, квартиру одно время сдавали, а потом решили сделать в ней капитальный ремонт. Да все никак не могли собраться. А тут она так пригодилась.

И вот Борис уже почти год живет с Одером, ведет группу собаководов... Стал получать неплохие деньги, даже машину новую купил, и собака его любимая рядом, а вот с женой...

Конечно, она увидит его машинку, может, даже осознает, что он не тряпка, не похоронил себя, да только... Что это поменяет?

Кулаков уже подъехал к дому Коровиных, вышел, аккуратно проверил все замки и... чертыхнулся.

– Черт! В гости же иду, надо было хоть коробку конфет взять, – поморщился он.

Кулаков не хотел идти к этому Коровину, но... кто его знает, вдруг действительно станет скакать по деревьям на каждом его занятии? И к тому же подсказать ему надо, как с собаками работать, чего ж он мучит и людей, и животных. Да и коллега все же. Жена Коровина тоже там работает, в их ДК. Лучше заглянуть на полчаса, чайку попить и распрощаться. Потому что... Потому что у него сегодня такое важное событие...

Кулаков оглядел двор – в двух шагах от него стояла палатка. Там точно конфеты продают. И он решительно направился туда.

Из подъезда выскочил высокий, худощавый молодой человек, похлопал себя по карманам и закричал на весь двор:

– Ма-а-а! Ма-ама! Ключи скинь, я забыл!

На балкон выбежала Мария Адамовна:

– А я знала! Когда ты перестанешь все не забывать?

Она резко швырнула тяжеленную связку ключей, но не попала в траву. Ключи приземлились прямо на машину Кулакова, оставив на капоте вмятину.

– Спасибо, мам! Я поехал, – радостно схватил ключи Андрей и устремился в модельное агентство на папиной старенькой машине.

– Сыночек, только недолго! – крикнула ему вслед заботливая мамаша и оглянулась по сторонам – вот-вот должны были прибыть гости.

Кулаков вышел из палатки с коробкой конфет и направился к подъезду. Правда, к новенькому автомобилю так и тянуло. Он подошел, чтобы еще раз проверить замки, и через минуту район огласился его гневными проклятиями:

– Блин! Да что ж такое-то?! Какая сволочь... – Он свирепо оглядывался по сторонам, но ничего, кроме удаляющегося хвоста стареньких «Жигулей», заметить не удалось. – Ну что за свиньи?! Блин, узнаю кто...

На его голос тут же высунулась Мария Адамовна:

– Борис Борисович! Вы нашу квартиру ищете? Мы на третьем этаже, квартира сбоку. Мы вас ждем!

Идти к Коровиным уже и вовсе не хотелось. Но, может, они успели заметить что-нибудь?

– Давайте, мы ждем! – зазывала Мария Адамовна.

– Да иду я!

Едва Кулаков переступил порог дома, как к нему сразу же кинулась баба Нюра:

– Боже мой! Какими судьбами? А мы вас и не ждали совсем!

– Мама! Что ты несешь? – возмутилась Мария Адамовна и тут же расцвела алым маком. –

Борис Борисыч, проходите, мы вас ждали!

– Да я на минуточку...

– На минуточку! – весело подхватил Иван Михайлович. – Только на минуточку!

– Это вам, – протянул коробку конфет Марии Адамовне Кулаков. – К чаю.

– Давайте мне! – ухватила коробку баба Нюра. – А то... чего ж, на одном хлебе-то?

– Да хоть куда, – махнул рукой Кулаков. – Только уберите подальше... Я ее видеть не могу!

Иван Михайлович быстро уловил совсем не праздничное настроение Кулакова и широко раскинул руки:

– А давайте-ка к столу! А то, я гляжу, настроеньице-то пошаливает, а? Я говорю, шалит оно, настроеньице?

– Да какое тут, к черту, настроеньице? – не выдержал Кулаков. – Ведь только на секунду оставил машину возле подъезда, в палатку заскочил за конфетами... Провалились они... А на капот кто-то камень бросил! Ну что за люди? Зараза! Ведь только машину приобрел!

– Молодой человек! Какие ваши годы! – кокетливо играла глазками баба Нюра. – Только бери да бери!

– Мама! – воскликнула Мария Адамовна. – Поставьте конфеты на стол! Борис Борисыч, а давайте я вам помогу пиджачок снять? Или вы в нем?

Она уже пыталась снять и куртку, и пиджак, но Кулаков будто ничего не замечал.

– И ведь только видел, как «Жигули» за угол завернули, – произнес он. Вот сердцем чую – тот мужик на «Жигулях» или видел, кто бросил, или сам к этому руку приложил!

– Ой, да что вы! – махнула рукой Мария Адамовна. – У нас здесь такие люди! Башку свернут, не то что на капот ключи бросят! Да вы проходите!

Кулаков вдруг пристально взглянул на Коровина:

– Иван Михалыч, а у тебя вроде бы такие же «Жигули» были? Это не твои?

– Совершенно верно, – влезла баба Нюра. – Наши это. Андриюшенька...

– Мама! – сверкнула глазами Мария Адамовна. – Посмотрите курицу! Ой, Борис Борисыч! Ну что вы такое говорите? Ну как же наши «Жигули» без Вани поедут? Хи-хи! Это вы шутите так?

– Так она сгорела, наверное, курица-то, – опять влезла баба Нюра.

Иван Михайлович теперь уже и вовсе по-балетному изогнул руку и торжественно пригласил:

– Прошу к столу!

– Да я на минутку, какой стол, – поморщился Кулаков. – У меня сегодня дел столько... Да еще с этой машиной...

– Только чашечку чаю! – прижала руки к груди Мария Адамовна. – На минутку!

– Только на минутку, – подтвердил Иван Михайлович. – Чего уж дольше-то засиживаться?

Когда Кулаков вошел в гостиную, плечи его непроизвольно опустились. Перед ним стоял накрытый стол, который по самым скромным подсчетам за минутку осилить было невозможно.

– А вы ждете кого, что ли? – растерянно спросил он.

– Вас! – улыбнулась Мария Адамовна.

Кулаков смутился. Это надо ж – к его приходу такое пиршество устроить! Совсем к ним люди не заявляются, что ли?

– И все же я... Недолго, – на всякий случай предупредил Кулаков и безнадежно плюхнулся на стул.

Поздно вечером изрядно пьяненький Кулаков настойчиво допытывался у Коровина:

– Вот ты скажи мне, Михалыч! Вот почему у тебя и собаки нет? И как это ты... как ты можешь жить без этих... без живых огра... организмов?

– У меня есть... огра... организмы! – клевал рюмку носом Иван Михайлович. – У меня... жена! И мама. И сынок... организм!

Мария Адамовна не могла усидеть на месте. Настал подходящий момент – вон какие они уже пьяненькие! Самое время для любовных знакомств, а Евгения все никак не приходила. Мария Адамовна замучилась ей звонить, но телефон не отвечал.

– А вот у меня, Борис Борисыч, есть одна моя знакомая... – уже в который раз начинала она заочное знакомство. – Так вот она жутко, просто жутко любит собак!

– Кто это?! – ошарашенно спросил Кулаков.

– Да это Маша, наверное, про Вику, подружка у нее есть, – вздохнула баба Нюра с кресла. – Та всех кобелей к себе волокет.

Баба Нюра уже давно дремала в кресле, но уходить не хотела – все же не часто у них гости бывают. Да и послушать интересно, о чем мужчины говорят.

– Мама! Ты спалила всю курицу! А сейчас мечтаешь спалить всю судьбу Борису Борисовичу? – воскликнула Мария Адамовна и снова обратилась к гостю: – Так вот я и говорю, одна моя подруга...

– Нет, так скажи, Михалыч, – все допытывался Кулаков. – Так ты чего собак-то не держишь?

– Не держу... – пьяненько мотнул головушкой Михалыч. – А потому что... Я их боюсь, вот!

– А ты Фишера читал? – прищурился гость. – Он же целые книги написал! Три!

– Это который с шахматами? – проявил эрудицию Коровин.

Кулаков задумался, потом уставился на Ивана Михайловича:

– А он чего – еще и в шахматы? Я думал... Я думал, он собачий психолог.

– Так он чего – еще и с собаками? – поразился Коровин.

– Голова-а-а, – протянули оба. – За это и выпьем.

– Слышь, а ты вот этого... Цезаря Миллана читал? – снова уставился на Коровина Кулаков.

– Милан? Не... не видали... Сейчас не до него, потом съездим... Нам бы с арендой расплатиться.

– Расплатитесь, – кивнул гость. – А потому что... потому что тот... тоже голова!

– За это и выпьем! – встрепенулся Коровин, и рюмочки вновь опустели.

– Так я вам чего говорю, вот эта подруга... – все еще надеялась на сердечный разговор Мария Адамовна. – Она та-а-ак вами интересовалась! Борис Борисыч, я ж вам говорю!

– Прально, Михалыч, – тянул свое Кулаков. – Нельзя тебе собак. У тебя... Ты какой-то... размазня!

– Я-я?! – грозно крикнул Коровин. – Я... солидный! Хозяин!

– Ну вот рыкни на меня! – требовал гость. – Рыкни!

Иван Михайлович подумал минутку, а потом нерешительно произнес:

– Гав!

– Нет, ты не гавкай, – поморщился Кулаков. – Ты вот так... Ты скомандуй: «Стоять!!!»

Задремавшая бабушка вскочила с молодецкой лихостью и браво вытянулась в струнку. Правда, оглянувшись, снова уселась и мирно заклевала носом. Иван Михайлович поднапрягся и визгливо заверещал:

– Стоять!

Бабушка опять подскочила.

– Да что ж ты скачешь, мама, как дрессированный пудель? – не утерпела Мария Адамовна. – Прямо неловко за тебя.

Марии Адамовне уже изрядно надоели и сами гости, и их команды, и звон рюмочек, который раздавался все чаще. Она бы уже распрощалась с дорогим гостем, но надежда на то, что Евгения Петровна все же зайдет, теплилась до последнего.

Мария Адамовна вышла из комнаты в кухню и набрала номер. На сей раз ей ответили.

– Евгения Петровна! Ну что ж вы не приехали? Мы вас так... Да я все понимаю, у вас свои планы, но... А я не могу! Я... Да заболела я жутко! Да! Заболела! Так что ждала вас больная, а вы... Приедете? Ой, как хорошо! Тогда я буду вас ждать!

Евгения сидела дома одна, и глаза ее блуждали по спинкам кресел, на которых были развешаны костюмы, платья, изумительная светлая кофточка... И это все великолепие привезла ей Ирочка! Девочка совсем стала взрослая... да и понятно, девчонке двадцать семь лет. Как же Евгения по ней скучала! И ведь приехала дочурка всего на день, ну что ж такое?! Будто специально, чтобы завалить мать подарками, разбередить душу, а потом снова унести в свой

далекий французский город Лилль... Сама Евгения за всю жизнь ни разу за границей не была, хотя и возможности имелись, а вот не тянет ее путешествовать, и все. Нет, дня на два можно куда-нибудь слетать, однако за два дня жаль выбрасывать деньги. А на дольше Евгения уезжать не хотела. А вот дочка окончила институт туризма, устроилась в замечательную фирму и стала разъезжать по странам и континентам. Во Франции судьба свела ее с любимым человеком. И Иришка уехала. Сначала не хотела мать одну оставлять, а потом... Евгения ее убедила, что она не одна. И Иришка поехала с легким сердцем. Теперь вот приезжает, привозит подарки, но надолго у нее тоже не получается, девочка работает... А так хотелось бы, чтобы Иришка побыла дома подольше. Они бы с ней первую ночь только просидели бы и проговорили. Да, уж они нашли бы о чем поговорить – Евгения до сих пор плохо знает зятя. Только на свадьбе и видела. Вот и пусть бы Иришка рассказала, как они живут, как он к ней относится и когда, наконец, Евгении ждать внуков. Она спрашивала, но Иришка лишь смеялась. А потом они бы... Эх, да чего теперь говорить, что бы они вместе с Иришкой делали, все равно дочка уже улетела. И Евгения осталась одна.

Раньше, когда вся семья жила вместе, Иришка была маленькая, а муж Евгении еще не решил бросить ее ради молоденькой вертихвостки, в доме постоянно звучал смех, шумел телевизор и играла музыка, у Евгении каждая минутка была занята, она так хотела тишины и спокойствия. Ей так мечталось, что муж заберет дочку хотя бы на один день и увезет к бабушке на дачу, а она, Евгения, останется дома и... и просто будет отдыхать! Она очень любила свою семью, очень! Но... Но ей хотелось немного отдохнуть, один денечек! А потом она бы снова... Но каждый раз, когда муж собирался на дачу к родителям, он брал жену с собой. Потому что... Потому что он ни дня не мог без нее прожить. И она тоже... Наверное. А вскоре оказалось, что он может... У него молоденькая красивая девочка...

Мечты сбываются. Теперь Евгения целыми вечерами одна. У нее хорошая квартира, неплохая зарплата, она многого достигла, но семью свою растеряла по дороге ко всему этому благополучию.

Уже в который раз звонила Коровина и приглашала к себе. Просто удивительно, что за бредовая идея поселилась в голове у этой женщины – чтобы, видите ли, Евгения сама пришла к ней домой за деньгами! Сама, главное, задолжала за два месяца, а теперь Евгении ходи, собирай долги по всему городу! И ведь звонит и звонит! Евгения ведь и не обещала ничего! Она знала – приедет Иришка, а уж в таком случае она точно никуда не потащится! Теперь придется завтра идти – Мария Адамовна изволит недужить!

А ночью Евгении приснился томительно-чудесный сон. Она еще не замужем... Она даже не знает, нравится ему или нет, но сама влюблена в него по уши! У нее день рождения... Да, как тогда, много лет назад. Она пригласила всех друзей, и даже Федьку. Федька ей никогда не нравился. Вернее, она его боялась за острый язычок. Почему-то именно над ней Федька больше всех шутил, чаще других разыгрывал ее и больше всех ставил в неловкое положение. В любой другой раз она бы его ни за что не позвала, но сейчас... Сейчас пригласила, потому что только так, с другом Федькой, можно было пригласить ЕГО! И Он пришел! И сразу день заиграл всеми красками. Нет, Евгения, конечно же, на Него даже не смотрела. А вдруг Он что-нибудь поймет? Она специально заигрывала со всеми парнями, весело смеялась и не сидела ни одного танца. А Он... Он просто сидел и смотрел на нее прищуренными серыми глазами. Ей казалось, что вся ее игра ни к чему, Он видит и понимает все! И так сладко было смеяться под Его взглядом! Так тепло было от Его слов, которые Он говорил кому-то, такие надежды рождались в душе, что Евгения понимала: именно это и есть счастье!

Прозвенел будильник... И хоть сегодня был выходной день, Евгения стала собираться. Все же надо зайти к этой Коровиной. Кто ее знает, вдруг та действительно заболела, возьмет

больничный, а потом и вовсе никаких денег не дождешься. Да и просто поведать сотрудника не помешало бы.

Мария Адамовна спала бы еще часиков до двенадцати, если бы в десять часов утра в их спальню не заглянула свекровь.

– Машенька! Маша! – позвала она. – Маша, вставай! Там тебя какая-то женщина спрашивает. Говорит, что с работы.

– Мама, она лжет, – сонно пробурчала Мария Адамовна. – Мои женщины сегодня отсыплются.

– Она говорит, что Евгения Петровна.

– Кто-о-о? – недоверчиво протянула Мария Адамовна и тут же подскочила, суетливо сунула ноги в тапки, попыталась найти халат, но тот, как назло, куда-то запропастился.

– Ваня! – в панике заверещала она. – Ваня! Вставай немедленно! Евгения Петровна жениться пришла, а твоего Кулакова куда-то унесло! Евгения Петровна! Я уже иду!

Мария Адамовна выхватила из комода чистое полотенце, нацепила его себе на голову и повесила на лицо гримасу страшной боли.

– Ваня! Не вздумай из спальни выйти! – на всякий случай предупредила она и направилась в комнату.

Хорошо, что вчера вечером Мария Адамовна вместе со свекровью все убрали и вымыли! Вот была бы картина – Евгения пришла к больной, а та вся в винно-водочных бутылках!

Сейчас за чисто убраным столом сидела Евгения Петровна в строгом деловом костюме и, видимо, ждала больничный лист.

– Как хорошо, что вы зашли, – пролепетала Мария Адамовна. – А я уж так болею, так...

– Что с вами?

– Да кто ж его знает, – безнадежно махнула рукой Мария Адамовна. – А почему вы вчера не пришли? Мы вас очень ждали!

– Вчера, когда вы позвонили, было уже поздно. Зачем же я за деньгами по темноте пойду?

– Так я и раньше звонила! – вытаращилась Мария Адамовна, забыв про «болезнь». – Я с утра звонить начала! А вы трубку даже не поднимали!

– У меня были дела, – сухо произнесла Евгения.

– Дела, это да... У кого их нет, – вздохнула Мария Адамовна. – У меня вот тоже... Все звонят и звонят, а я все знакомлю и знакомлю. Даже в выходные покою нет. Я такая больная, а они...

– Я вижу, вам совсем плохо, – заторопилась Евгения. – Давайте тогда расплатимся, и я не буду вас больше задерживать.

– И правда... – немедленно поникла Мария Адамовна. – Я уж пойду прилягу... Мама! Проводи Евгению Петровну!

– А чего? – появилась в дверях баба Нюра. – Так скоро наговорились? И даже чайку не попьете? А то пошли бы в кухню, посидели... У нас после вчерашней-то гулянки много чего осталось. Полный холодильник угощений!

Лицо Евгении Петровны вытянулось.

– Простите, – насторожилась она. – А у вас вчера была гулянка?

– Мама! – крикнула Мария Адамовна. – Иди уже, ставь самовар... чайник! Евгения Петровна! Ну что вы такое говорите? Какая гулянка? Просто вчера сидели, вас ждали, вот я и... пересилила боль, встала, приготовила два салатика. Думала, посидим, поговорим о своем, о девичьем...

– Простите, – поднялась Евгения Петровна. – У меня нет времени.

– Ну что ж, очень печально, – вздохнула Мария Адамовна и снова крикнула: – Мама! Проводи гостью!

Но и Евгения Петровна была не лыком шита.

– А, простите, деньги вы отдадите или мама? – поинтересовалась она.

– Мама! – взвизгнула Мария Адамовна. Денег у нее не было. – Да где ты там? Неси же чай! И конфеты!

В комнату вошла баба Нюра с подносом. Уж что-то, а поднос приносить она умела. Не зря же столько времени вела «Кухню для графских желудков»! И хоть готовить она не научилась, но уж подать-то! На серебряном подносе, который остался от одной из учениц, возвышались стаканы с бледной жидкостью и раскрытая коробочка с тремя конфетками. Но вредная Евгения не оценила всей красоты момента.

– Давайте сначала расплатимся, – произнесла свое. – А уж потом вы будете чай распивать. Я очень тороплюсь.

Баба Нюра так же торжественно удалилась, успев по дороге сунуть конфетку в рот, а Марии Адамовне пришлось выкручиваться:

– Мама! Неси деньги!

– Машенька! – всунулась в дверь голова бабы Нюры. – Откуда ж деньги?

– Я думаю, – встала в обиженную позу Машенька, – нашу гостью это не интересует. Неужели всю дедовскую пенсию потратили?

– Так вчера ж на гулянку и потратили! – растерянно пробормотала баба Нюра.

– Ну вот, Евгения Петровна, – горько развела руками Мария Адамовна. – Денег нет. Мы вчера их, оказывается, на гулянку... Мама! На какую гулянку?

– Вы уж меня извините! – поджала губы директор ДК. – Если вчера нашли деньги на гулянку, то сегодня будьте любезны отдать долг!

Мария Адамовна поняла, что сейчас ей не выкрутиться.

– Мама! Сходи к соседке Кузьминичне, что ли. Займи у нее.

Терпение Евгении лопнуло. Еще не хватало, чтобы она сидела и ждала, когда эта семейка обежит всех соседей!

– Мария Адамовна, – поднялась она. – Я даю вам срок до понедельника! Но уж потом... Будете освобождать помещение!

И она торопливо вышла, поклявшись больше не навещать эту странную семейку.

А через полчаса в кухне за столом сидели Коровины и обсуждали ее визит.

– Нет, Вань, вот ты посмотри, – расстраивалась Мария Адамовна. – Эта Евгения прибежала, а твоего Кулакова и след простыл! И ведь опять ей деньги подавай! Бьет по самому большому!

– Машенька, – поинтересовался муж, – а почему ты решила их поженить?

– А кто? – вытаращила глаза Мария Адамовна. – Кто их поженит, если это моя профессия?

– Нет, Маш, я вот вчера посмотрел, Кулаков не хочет жениться. Ему, Маш, представляешь, и так хорошо! – пояснил Коровин и мечтательно закатил глаза. – И знаешь... я ему даже где-то...

– Завидуешь?

– Да что ты! – испугался своей вольности глава семейства. – Я просто... я ему даже где-то... верю! Ну не хочет человек под венец.

– Да и эта краля... – вставила баба Нюра. – Я смотрю, она тоже не больно-то за мужиком погналась. Вчера, значит, когда ей жениха заманили, ее не было. А сегодня, за деньгами, так с самого утра нарисовалась!

– Ну как же вы не понимаете? – кипятилась Мария Адамовна. – Вот Кулаков! Почему он не хочет жениться? Он же только о женщинах и говорил! У него через каждое слово то «суки», то «собаки»! А Евгения? Она сегодня все по углам зыркала! Надеялась, что какой-

нибудь мужичонка из шкафа выскочит! Ну нельзя же до такой степени не разбираться в человеческой психологии!

– Ну не знаю, – вздохнул Иван Михайлович. – Столько возни... Мам, положи мне еще кусочек мяса, пожалуйста. Почему у меня весь борщ из одной воды?

Баба Нюра послушно выбежала из-за стола, а Мария Адамовна все никак не могла успокоиться.

– Ваня! Если мы их не поженим... Тогда деньги отдавать придется. За аренду. И потом, это ж моя работа! Мама! Не клади ты ему никакого мяса! Еще Андрейка не ел, пусть Ваня воду... борщ хлебает! Ваня! Ты посмотри! У нас столько женщин в ДК, и все не замужем!

– А потому что у тебя за полгода ни одной свадьбы, – брякнул Иван Михайлович.

– Так откуда свадьбы-то? Мужиков нет! – воскликнула Мария Адамовна. – А вот если я саму директрису замуж вытолкаю, тогда... ко мне целый наш хор «Матрешки» полным составом запишется!

– Матрешки, – проворчала баба Нюра, потихоньку таская из кастрюли мясо. – Вам бы этих... Петрушек побольше.

– Мама! Налей мне добавки! – протянул пустую тарелку Иван Михайлович. – Только полноценную, с мяском. А то я видел, как ты втихушку там свининой питалась. Мне налей, будь любезна... Маш, я вот чего думаю: Евгения-то эта сколько раз нашего Кулакова у себя в ДК видела, он же там постоянно толчется. И никакой искры между ними не вспыхнуло. Какая уж свадьба.

Баба Нюра старательно вылавливала оставшееся мясо, когда ее остановил резкий окрик невестки:

– Мама! Да хватит там уже булькать! Какая добавка? Говорю же, ни Андрейка, ни дед не ели! Налей лучше чаю! Ваня! Моя задача – эту искру воспламенить! Кто бы ко мне записался в «счастливики», если бы они сами собой воспламенялись? Да еще бы и деньги за это мне сдавали?

Пока баба Нюра убирала со стола посуду и накрывала стол для чая, Иван Михайлович задумчиво тянулся к единственной конфете.

– Я прямо и не знаю... Получится ли у нас? – тяжело вздыхал он. – Мам, подай конфетку, а то я никак дотянуться не могу. Они ведь все взрослые люди.

Мария Адамовна ловко затолкала конфету себе в рот и произнесла:

– Тут надо это... головой подумать.

– А чего думать? Не будем нарушать классику, сделаем все согласно традициям. Поздним вечером Евгения бредет домой, на нее нападает хулиган, то есть я, она пугается, а тут совершенно случайно оказывается Кулаков со своей собакой. Он ее спасает, она перепугана, но приходит в себя и влюбляется в своего спасителя.

– Как это он «случайно» там окажется? – усмехнулась баба Нюра.

– Обыкновенно, мама. Ему позвоните вы. Он сразу откликнется, спасет Евгению, и...

– Ни в коем случае, – равнодушно отмахнулась Мария Адамовна. – Наш дед не потянет твою инвалидность.

Иван Михайлович оскорбился.

– Машенька! Ты меня обидела! Неужели ты считаешь, что я не отобьюсь от женщины?

– От этой никто не отобьется, – заметила баба Нюра.

– Правильно, мама, – согласилась Мария Адамовна. – А если, Ванечка, тебе каким-то чудом удастся от нее отбиться, так ты скончаешься сразу же, как только этот твой задушевный Кулаков прибежит со своей псиной.

– Собака на тебя кинется, – уточнила баба Нюра. – Ты же в хулиганы подался.

– Прошу прощения... – растерялся Иван Михайлович. – При чем тут собака? По замыслу даму должен спасать Кулаков, а не его псина. Кого ж тогда Евгения любить-то будет?

– Ей виднее, – пожала плечами Мария Адамовна. – Но уж Кулаков точно сначала псину пустит, а потом и сам добежит... согласно традициям. Нет, тут что-то другое– иное нужно.

Баба Нюра уже замучилась размышлять над обустройством чужой судьбы и решила насладиться сериалом. Там-то все ясно и понятно – сначала ты должен поплакать как следует, зато потом любовь восторжествует! Правда, сериал отчего-то задерживали, а вместо этого показывали криминальную программу, про то, как похищают девушек и угоняют их в рабство. Жуть! Она переключила канал и вздрогнула от вопля невестки. От неожиданности пальцы пожилой леди разжались сами собой, и пульт грохнулся на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.